

ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Пашкович Е.И.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Великая Отечественная война осиротила сотни тысяч детей. Часто физически ослабленные и морально искалеченные, они, как никто другой, нуждались в скорейшей помощи. Эта проблема решалась по мере освобождения территории Беларуси от оккупантов. Уже 12 октября 1943 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». На основании этого документа на вокзалах, рынках, магазинах организовывались специальные рейды с целью выявления беспризорных детей. Для этой работы привлекалась не только милиция, но и школьники старших классов, учителя, комсомольские организации. В городах открывались детские комнаты милиции. Исполкомами областных, районных и городских советов создавались комиссии по устройству детей-сирот, в состав которых входили заместитель председателя исполкома, председатели отдела народного образования, охраны здоровья, профсоюзных и комсомольских организаций, промышленных предприятий, колхозники, рабочие МТС, совхозов [23, с. 8–9].

На 1 декабря 1944 г. по республике в органах просвещения на учете состояло более 46 000 детей-сирот, к концу 1945 г. – 64 000 [22, с. 18]. По результатам учета, проведенного к началу декабря 1944 г., в Брестской области насчитывалось 1 452 ребенка-сироты. В марте 1945 г. по области было учтено 1 537 детей, оставшихся без родителей, в сентябре 1945 г. – 2 016 [9, л. 9; 3, л. 44; 11, л. 8].

Беспризорники направлялись в детские приемники-распределители НКВД. К январю 1945 г. в республике действовало 18 таких учреждений с одновременным содержанием 1 200 детей [22, с. 38], в т.ч. в Бресте и Пинске на 50 и 30 мест соответственно [15, л. 4]. В Бресте приемник размещался на ул. Тришинской, 27 в 2-х небольших зданиях [10, л. 30]. В приемники поступали дети в возрасте до 15 лет следующих категорий: 1) дети, родители которых погибли на фронте, в партизанских отрядах, во время оккупации от рук немецко-фашистских захватчиков, 2) дети из других союзных республик (на 1945 г. они составляли 50%), 3) репатрированные дети (начиная с 1945 г.), 4) дети, сбежавшие из детских домов, 5) дети, сбежавшие из дома (на 1948–1950 гг. они составляли более 50%), 6) дети репрессированных граждан с 1948 г. Дети направлялись в приемники-распределители на двухнедельный срок. За это время им оказывали медицинскую помощь, устанавливали личность ребенка (по возможности), после чего детей в возрасте до 14 лет распределяли в детские дома, колонии, устраивали на патронат в семьи, детей старше 14 лет трудоустраивали. Часто дети задерживались дольше 2-х недель, и поэтому в приемниках необходимо было организовать учебно-воспитательную работу [20, с. 79–80]. За период с января по июль 1947 г. в детском приемнике-распределителе в г. Бресте побывало 346 детей, из которых 156 были определены в детдома, 38 – возвращены родителям, 86 – устроены в ремесленные училища и школы ФЗО, 25 – трудоустроены, 25 – направлены в трудовые колонии [14, л. 15]. В целом по республике за период с 1943 г. по 1950 г. через детские приемники-распределители прошли 80 239 детей [22, л. 53].

В мае–июне 1945 г. была выработана правительственная программа, направленная на укрепление и развитие патроната. Она предусматривала организацию точного учета детей-сирот и принятие широкомасштабных мер с целью усиления государственной и общественной помощи семьям, воспитывавшим детей, оставшихся без родителей. 13 июня 1945 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли постановление «О мерах-приятиях по улучшению материально-бытового положения детей сирот». Семьям,

взявшим на патронат ребенка, государство предоставляло продовольственные товары и денежное пособие в размере 50 рублей [2, л. 66–68]. В это же время проводилась активная общественная работа по организации сбора денежных средств, созданию фондов помощи, устройству благотворительных базаров, вечеров, концертов творческих коллективов, открытию бесплатных столовых и магазинов для патронированных и инвалидов. В 1947 г. комитеты Красного Креста направляли на оплату школьных завтраков около 1,5 млн. руб., собранных в качестве пожертвований [22, л. 27]. Если на 1 июня 1945 г. в республике на патронате состояло 19 000 детей, то уже на 1 ноября 1946 г. из 138 000 детей-сирот 53 113 детей находились на патронате [22, с. 18]. В Брестской области в начале декабря 1944 г. из 1 452 детей-сирот, 400 детей находились на патронате в семьях [9, л. 9; 16, л. 3; 8, л. 45]. В марте 1945 г. из 1 537 детей-сирот на патронате в семьях находились 742 ребенка, к концу 1946 г. из 3 000 детей-сирот в семьи граждан было устроено 1 084 человека [3, л. 44]. Но зачастую материально-бытовые условия жизни детей-сирот, находящихся на воспитании в семьях, были неудовлетворительны. Дети работали в хозяйстве, нанимались пастухами, не посещали школы. После одной из проверок в апреле 1947 г. 71 ребенок был изъят из патроната и переведен в детские дома [6, л. 23–24].

Случаи усыновления были редкими: до марта 1945 г. по области было усыновлено 14 детей, к концу 1946 г. – 50 детей [3, л. 44; 13, л. 29]. Иногда родители сами отдавали своих детей в детские дома, будучи не в состоянии обеспечить им нормальные условия жизни. Так, например, в Дом ребенка в г. Пинске должны были направляться круглые сироты, дети одиноких матерей и только в исключительных случаях дети болеющих матерей. Но из-за отсутствия в городе круглосуточных яслей и бедственного материального положения населения в Доме ребенка находились дети из полных семей. Значительная часть детей поступала в течение первой недели жизни [19, л. 9].

Из приемников-распределителей большинство детей попадали в детские дома. Из 186 зданий детских домов, существовавших в республике до войны, оккупантами было полностью уничтожено 136, уцелело лишь 50 сильно поврежденных зданий. На территории Брестской области до оккупации действовало 9 детских домов (с общей численностью воспитанников 1200 человек), 3 из которых размещались в г. Бресте [1, л. 45; 16, л. 3]. Уже к декабрю 1944 г. были восстановлены 9 детских домов и открыты 3 новых [9, л. 10]. В 1946 г. из 13 детских домов области 7 размещались в городах и райцентрах, 6 – в сельской местности, из них 3 – в бывших имениях. Только 3 детских дома размещались в пригодных помещениях, 10 – в приспособленных зданиях [5, л. 44]. Помощь в восстановлении детских домов оказывали воинские подразделения Красной Армии. В феврале–марте 1944 г. силами тыловых частей I-го Белорусского фронта было восстановлено и оборудовано в освобожденных районах Беларуси 15 различных детских воспитательских учреждений. На строительство детских домов и приемников-распределителей направляли немецких военнопленных (например, в г. Барановичи) [22, с. 41–57]. Но как показала жизнь, проблема заключалась не столько в восстановлении старых и открытии новых детских домов, сколько в их дальнейшем обеспечении.

Брестский детский дом начал работу 2 августа 1944 г. и размещался по ул. Московской, 2. Как и остальные в республике, Брестский детский дом, ежедневно сталкивался с рядом проблем, характерных для послевоенного времени. Из-за отсутствия финансовых средств ремонт сводился к тому, что окна забивались фанерой. Помещения оставались не утепленными, а во многих случаях не были проведены электричество и водоснабжение. Не хватало мебели, прежде всего кроватей, в том числе просто сбитых из досок. В Блуденском детском доме (Безрезовский район) дети спали по 3–4 человека [5, л. 6]. Не хватало одеял, простыней, одежды, обуви. Большинство детей Брестского детдома, прежде всего дошкольники, ходили босиком – на всех (144 воспитанников) было 2 пары обуви,

которые одевали по очереди [3, л. 4]. Были случаи, когда дети ели из консервных банок (г. Кобрин). В Высоковском детском доме на 120 воспитанников было только 15 мисок [5, л. 44, 78]. Поставки продуктов и других товаров, возложенные на межрайторг, строительные конторы, райпромкомбинаты, не выполнялись в полном объеме.

Одна из острых проблем послевоенных лет – обеспечение питанием. Дети в детдомах недоедали. Вот пример (не самый худший) меню Брестского детдома в 1944 г.: завтрак – чай с хлебом, обед – суп, ужин – суп. Были случаи, когда на завтрак варили муку на воде [3, л. 1]. Одна из бывших воспитанниц Брестского детского дома вспоминала: «... Запало в памяти, как дети ложились на землю и прикладывали ухо – не гудит ли грузовик, который привозит хлеб? А конфеты, коричневые такие, наподобие подушечек. Спрессуешь их несколько штук в ладошке и потом, как самое дорогое сокровище, бережешь этот сладкий ком» [21, с. 2]. Во многих детдомах, особенно в Каменецком и Домачевском, дети питались исключительно за счет продуктов, которые приносили местные жители.

Из-за плохого питания и антисанитарных условий дети в детских домах болели, особенно часто корью, скарлатиной, туберкулезом, страдали малокровием. Медицинское обслуживание было неудовлетворительным, в большинстве случаев не были прикреплены врачи и медсестры. Больницы с неохотой принимали больных из детских домов, за лечение требовали продукты [3, л. 35].

Многие воспитанники детских домов не посещали школу (в том числе из-за отсутствия обуви и верхней одежды). Успеваемость детдомовцев была низкой. Положение осложняла нехватка учебников, письменных принадлежностей. Основное время дети были предоставлены сами себе или занимались хозяйственными работами.

Со временем в детских домах развертывали деятельность пионерские и комсомольские организации, проводилось идеологическое воспитание. На территории Брестской области из 350 воспитанников детских домов школьного возраста на январь 1945 г. 170 являлись пионерами, а 7 – комсомольцами. Но были случаи, когда дети не воспринимали советскую идеологию, отказывались петь гимн советского Союза, носить пионерские галстуки (Кобринский детский дом) [3, л. 2]. В документах отмечены случаи, что в Брестском детском доме дети носили крестики, прятали в кроватях иконки, молитвенники, говорили: «Мы молились и остались живы», «При немцах жилось лучше, мы ходили сами себе добывать пищу» [3, л. 35–37].

Долгое время в детских домах нерешенным был кадровый вопрос. Из всех воспитателей детских домов в Брестской области только 15 имели 5–7-летнее образование, а директора впервые работали в подсобных учреждениях. В 1944 г. в Брестском детском доме работало лишь 4 воспитателя. В период с 1944 г. по 1946 г. на должности директора детдома сменилось 6 человек [5, л. 44].

В соответствии с постановлением СНК БССР от 27 апреля 1945 г. некоторые из существовавших на то время детских домов были преобразованы в специальные. В спецдетдома принимались дети дошкольного и школьного возраста от 3 до 13 лет, родители которых служили в рядах Красной Армии или были партизанами, подпольщиками и погибли от рук немецко-фашистских захватчиков. В Брестской области в специальные детские дома были преобразованы Кобринский, Брестский, Пружанский с общей численностью воспитанников 400 человек [5, л. 44]. Однако нельзя сказать, что это преобразование коренным образом улучшило ситуацию. Вот как описывается состояние спецдетдома в г. Бресте в документе, составленном по результатам проверки: «Белье и одежда грязные. Постельное белье давно не менялось. Мытье детей производится от случая к случаю... Общий вид ребенка неприятный: ногти не острижены, лицо и уши грязные,

волосы не причесаны...». Дети были завшивлены, болели чесоткой, трахомой, другими заболеваниями. В помещении было холодно. Во время дождя вода протекала прямо в спальные комнаты. Часть детей спала на полу [4, л. 61].

Со второй половины 1945 г. начали поступать репатриированные дети. За годы войны из Беларуси было вывезено в Германию 24 180 детей, вернулись только 6 607 [23, с. 8–9]. Считая, что многие из них в Германии могли воспитываться в шпионско-диверсионных школах, службы НКВД таких детей рекомендовали направлять в детские трудовые колонии. На территории Брестской области детей из репатриации направляли в специальные детские дома в Сигневичи и Малич [3, л. 31]. Свидетельством того, как относились к детям-репатриантам, служит выдержка из записки секретарю Брестского обкома комсомола Даниловой от инспектора школьного отдела Крысовой за 28 ноября 1945 г.: «Дети, прибывшие с репатриантами, подходят к трудовым колониям, а не к воспитанию в детском доме. Необходимо немедленно этих детей направить по назначению» [12, л. 13].

Для улучшения материально-бытовых условий жизни детей-сирот государство привлекало силы общественности. Широкая работа по организации помощи детям-сиротам началась с марта 1944 г. В ней были задействованы товарищества Красного Креста, женские советы, комсомольские организации. Так, в октябре – ноябре 1945 г. Высоковский и Брестский райкомы комсомола организовали сборы продуктов питания среди населения и передали Брестскому детдому ржи – 1 500 кг, гороха и фасоли – 120 кг, крупы – 300 кг, яиц – 500 шт., кур – 8 шт., масла – 10 кг [3, л. 35]. В сентябре 1944 г. ГКО СССР выразил комсомольцам Брестчины благодарность [22, с. 66]. Значительную помощь детским домам в изыскании дополнительных денежных средств оказывали попечительские советы, которые стали создаваться с 1944 г. Помощь детям-сиротам в Беларуси приходила из-за рубежа. Красный Крест США направил около 5 000 пальто, головных уборов, 24 000 предметов верхней одежды, 89 000 метров ткани. Администрация ООН по вопросам помощи и восстановления, после соответствующего обращения советского правительства, предоставила 10 млн. долларов, из которых 8 млн. долларов были потрачены на закупку в США мясных консервов и другого продовольствия для детей-сирот в БССР. Национальный комитет США по оказанию помощи странам, пострадавшим от германской агрессии, предоставил 100 000 долларов в качестве помощи детям республики [22, с. 28, 64].

Судя по документам проверок, к осени 1945 г. положение в детских домах несколько улучшилось. В соответствии с постановлением обкома КП(б)Б от 29 марта 1945 г. большинство детских домов завели подсобные хозяйства, построили бани, организовали работу мастерских. В среднем на каждый детский дом в июле 1945 г. приходилось по 9–10 га пахотной земли и еще земля для сенокоса. При Брестском детском доме № 1 работали 3 мастерских: сапожная, столярная, швейная. Девочек учили шить на швейных машинках, кроить. В детдоме работали кружки: хоровой, танцевальный, физкультурный. Силами воспитанников и работников детского дома велось свое подсобное хозяйство, состоящее из 9 лошадей, 9 коров, 7 поросят, свиньи, 9 га земли [4, л. 30]. В распоряжении приемника-распределителя в г. Бресте было 7 га земли, фруктовый сад, 2 коровы, лошадь, овощехранилище, парники [15, л. 4]. Подсобные хозяйства помогали решать проблему с питанием, но с течением времени поголовье скота уменьшалось, т.к. не хватало кормов, семян, и хозяйства становились убыточными.

Со временем сеть детских домов расширялась. В 1950 г. в БССР функционировал 301 детдом (в том числе 99 специальных), в которых воспитывались 36 000 детей (в том числе 12 556 в специальных) [22, с. 95]. Детский дом был открыт в каждом районе Брестской области, а в Кобринском и Пружанском районах работали по 2 детских дома. В Бресте в 1948 г. действовало 2 детских дома, в том числе дошкольный, а в 1949 г. в городе работали 3 детских дома, в которых воспитывалось 280 детей. Всего же по Брестской

области в 1949 г. насчитывалось 15 детдомов с общей численностью воспитанников 1 826 человек [7, л. 13]. На территории Пинской области в 1947 г. действовало 13 детских домов (1035 воспитанников), Барановичской области в 1946 г. – 21 детский дом (2 325 воспитанников) [17, л. 24; 18, л. 25].

Решение проблемы детской беспризорности сопровождалось множеством трудностей и недостатков. Зачастую распоряжения оставались лишь на бумаге, а дети и после окончания войны долго не могли забыть о голоде и холоде. Но, несмотря на все тяготы послевоенного времени, эту проблему государство не обошло стороной.

Список цитированных источников и литературы

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 16. – Д. 6.
2. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 18.
3. ГАБО. – Фонд 1. Оп. 2. – Д. 213.
4. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 219.
5. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 291.
6. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 40.
7. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 5. – Д. 122.
8. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 16. – Д. 6.
9. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 57.
10. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 73.
11. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 105.
12. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 109.
13. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 110.
14. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 4. – Д. 122.
15. ГАБО. – Фонд р-783. – Оп. 1. – Д. 7.
16. ГАБО. – Фонд р-1096. – Оп. 1. – Д. 4.
17. ГАБО. – Фонд 7581. – Оп. 2. – Д. 251.
18. ГАБО. – Фонд 7581. – Оп. 4. – Д. 161.
19. ГАБО. – Фонд 7584. – Оп. 6. – Д. 614.
20. Дзіцячы прыёмнікі-размеркавальнікі // Народная асвета. – 1990. – № 8.
21. Дом на Тришинской 30 лет спустя // Вечерний Брест. – 1995. – 1 августа.
22. Смехович, Н.В. Работа государственных, политических и общественных организаций по жизнеустройству и воспитанию детей, оставшихся без родителей (1943–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Н.В. Смехович. – Минск, 1992. – 182 с.
23. Усенародныя клопаты аб дзецях // Народная асвета. – 1964. – № 7.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕПАТРИАЦИИ НА БРЕСТЧИНЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пилипович В.Ю.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Репатриация – масштабное социально-политическое явление, с которым столкнулась Беларусь почти сразу после освобождения от немецких вооруженных сил. В течение 1944–1946 гг. через Беларусь прошли сотни тысяч репатриированных советских граждан, и более чем 200 тыс. временно или постоянно дислоцировались на территории Брестской области. Органам репатриации была запланирована большая работа по возвращению советских граждан, их политическому воспитанию, вместе с тем на местах, в результате разных причин, данная работа не была организована надлежащим образом. Проблема